

Jerzy FARYNO (Warszawa)

"Я ПОМНЮ (чуждое мгновенье...)" и "Я (слово...) ПОЗАБЫЛ"

В широком смысле (кибернетическом, генетическом, культу-рологическом, психологическом и т.п.) память есть фундамент всего сущего - как космоса, так и человеческой личности. На уровне культуры без нее невозможно ни "рутинное", ни целенаправленное (запроектированное) поведение. На уровне манифестаций культуры (текстов) без памяти невозможен был бы прием содержащейся в них информации, особенно в случае временных построений: конец текста был бы непонятен без усвоения (запоминания) его предшествующих частей. Будучи обязательным, не предполагающим альтернативы, условием построения и восприятия текста память теряет силу активного структурного (значимого) компонента текста, становится его нейтральным, содержательно-безразличным свойством. Для того, чтобы она стала структурно значимой, необходимы некие дополнительные операции: создать, например, категорию забвения или же ввести в память ее внутреннюю дифференциацию по каким-то определенным признакам, хотя бы типа: отчуждаемая - неотчуждаемая (закрепление в справочниках, компьютерах - закрепление в уме); сознательная - несознательная (приобретаемая в результате личного опыта - вытекающая из законов природы или культуры); или по признакам кодирующих информацию систем рецепторов и перекодировок этой информации (термическая, тактильная, слуховая, зрительная память в случае приема информации, а в случае воспроизведения такая же или переводящая в иной код: звуковой - в цветной, вербальный - в иконический и т.п.). Для конкретных текстов это означает расслоение памяти как условия существования текста и на факультативную форму как объекта изображения (так, применительно к пушкинскому "Пророку" есть смысл говорить только о первой форме памяти, тогда как относительно "Я помню чудное мгновенье..." - об обеих, причем структурно значимой тут будет только вторая, а значимость первой обнаружится лишь на фоне иных типов построения текста, иных культурных и литературных формаций). В случае таких текстов, объектом которых является

память, опять-таки возможны два крайних варианта: такой, когда сам текст стремится стать своеобразной моделью памяти, запоминания или забывания¹, и такой, где память представляет собой один из компонентов мира произведения. Но оба эти варианта покоятся на явном или подразумеваемом наличии представления о "не-памяти", забвении, о неравномерной активности памяти, об избирательности памяти и забвения и т.п.

Нейтральная сама по себе, в виду своей обязательности, память как структурный компонент культуры должна быть особо отмечена и рассчитана на опознание именно как память. Каждый вид коммуникации располагает в этом отношении целым рядом специальных средств. Невербальные системы выработали свои специальные "мнемонические" или "мемориальные" жанры². Вербальные же, кроме жанров, знают еще и целый ряд лексических средств, типа: "запомнить", "помнить", "забыть", "вспомнить" и т.д. Их семантика и есть основной предмет данного сообщения.

1. "ЗАПОМИНАТЬ". Смысл запоминания наиболее эксплицитно обнаруживается в самом распространенном виде заучивания наизусть текста, которое предполагает:

а. Ознакомление с объектом (текстом, картиной, предметом, конструкцией), который далее удобно будет называть "подлинником".

б. Устранение объекта (подлинника) - закрытая книга, зашпательная картина, спрятанный предмет, рассыпанные детали узора или постройки.

в. Воспроизведение этого отсутствующего объекта.

г. Сличение копии с подлинником (непосредственно или с помощью другого лица, являющегося носителем подлинника).

В последней фазе существуют уже два объекта: подлинник и его копия. В фазе сличения от копии может требоваться ее выраженность в форме, доступной постороннему лицу, - в виде произнесения, записи, рисунка, конструкции, движения и т.д. Но это требование не обязательное - копия может оставаться в ее ментальном не выраженном (не доступном для постороннего) виде. Обязательно другое: способность воспроизводить объект, по крайней мере в уме, независимо от этого объекта, т.е. при отсутствии подлинника.

При запоминании может иметь место и более сложная ситуация - вместо подлинника получателю предлагается копия: фотография, словесный портрет, портрет по чужой памяти. По такой копии или даже по копии с такой копии требуется опознать подлинник (например, разыскиваемого человека). Копия и подлинник тут меняются местами: подлинник играет роль копии, а копия - подлинника, ментальная копия (портрет по памяти) оказывается двойником подлинника и предполагает однозначную иконическую соотнесенность с подлинником.

"ЗАПОМИНАТЬ", а точнее - "ЗАПОМНИТЬ", включает в себя, таким образом, следующие компоненты:

- а. непосредственное ознакомление с объектом;
- б. отрыв от объекта;
- в. сохранение копии объекта в уме;
- г. способность воспроизводить копию отсутствующего объекта;
- д. презумпция однозначной иконической соотнесенности воспроизводимой в уме копии и скопированного объекта.

II. "ПОМНИТЬ". Все эти компоненты, естественно, сохраняются и в "ПОМНИТЬ". "Я помню тебя - твоё лицо, твой голос, твою походку, твои объятия" = 'я в состоянии воспроизвести тебя в уме (мысленно увидеть, услышать, ощутить), хотя тебя нет'. Разные художественные системы предлагают разные решения для отдельных компонентов "помнить". Но наиболее принципиальная разница возникает применительно к отношению 'умственная копия - подлинник', которое, в принципе, есть семиотическое отражение 'знак - референт'. В одних случаях это будет тенденция к их отождествлению, к вытеснению 'копии-знака': 'моя умственная копия с тебя есть ты'. Так строится пушкинское "Я помню чудное мгновенье..." с его повторным переживанием некогда случившегося. В других же, наоборот, - тенденция к разрыву между копией и подлинником: 'моя умственная копия с тебя не есть ты'. Таковы лермонтовские: "Расстались мы, но твой портрет..." или "Нет, не тебя так пылко я люблю..."³. Третий вариант - это тенденция к вытеснению подлинника (референта), которая порождает уже чисто фантастический мир, где сигналы о том, что речь все-таки

идет о 'вспоминаемом', играет роль противопоставления прошлого настоящему (чаще всего для говорящего неприемлему). Такова, например, "Первая" из "Северных элегий" Ахматовой.

Память, как видно, способна стать категорией моделирования мира. Ее моделирующий характер проявляется в явном 'удвоении' мира, в разбиении его на 'копию' и 'подлинник', с одной стороны, а с другой, - на 'прошлое' и 'настоящее' состояния мира. Но это не всё. Временной разрыв между 'копией' и 'подлинником' (хотя бы самый минимальный) позволяет при помощи "памяти" отодвигать настоящее в прошлое и прошлое придвигать к настоящему и даже подменять им настоящее. Так, в стихотворении Мандельштама "На развалинах, уложенных соломой..." заведомо первый визит в Москву моделируется как некая повторная поездка благодаря стиху "От Воробьевых гор до церковки знакомой", что и позволяет сообщить ей статус не бытовой, а вновь переживаемой исторической, и одновременно включить историю в современность, создать эффект соприсутствия нескольких исторических пластов⁴.

Память - не мир, а его образ, копия, двойник. Это значит, что память есть механизм упорядочивания стихийного не-дискретного мира. С данной точки зрения она оказывается элементарным условием 'правильного' функционирования в мире. Для мира это значит - иметь структуру; в зависимости от характера "памяти" мир произведения получит ту или иную степень детальности, отчетливости, чуждости и т.п., ту или иную степень дискретности, проявится в тех или иных категориях (обаятельных, звуковых, кинетических, зрительных и т.д.). Для "помнящего" это значит - существовать. Провалы памяти, потеря памяти, забытые означают не гибель мира, а гибель героя.

Детальность, отчетливость, прочность, легкость, быстрота, частота памяти или воспоминаний непосредственно в семантику памяти не входят. Это категория, при помощи которых память не моделирует, а моделируется, т.е. создается определенная концепция памяти. Точно также в семантику памяти не входит и предмет памяти. Наоборот, память получает свою значимость в зависимости от того, что именно вспоминается. Зато, как уже говорилось, память способна сообщить вспоминаемому объекту особый статус. В определенных условиях особый

статус сообщается памятью и вспоминающему субъекту.

В данном случае работает условие непосредственного знакомства с объектом воспоминания, условие личного опыта. Фраза "Я помню Наполеона", сказанная родившимся в 1960 году, прозвучит как чистейший парадокс. Она может быть осмыслена в двух случаях:

а) под Наполеоном подразумевается некто, с кем говорящий мог действительно столкнуться в пределах своей жизни: это может быть персонаж прочитанного текста, театральной постановки, кинофильма, чей-нибудь псевдоним, кличка; иначе говоря, объект памяти здесь теряет свою связь с историческим референтом имени Наполеон.

б) если объект памяти не поддается перенесению в современность говорящего и замене на иной объект, тогда меняет свой статус говорящий - "Я": его опыт (жизнь) продлевается вспять до времен, когда существовал объект памяти (Наполеон), или же это "Я" получает статус абстрактной мифологизированной личности.

Такая 'растяжность' "памяти" характерна, например, для символистов. Но заметим, что ей всегда сопутствует и растяжимость их "Я". Память - излюбленная сфера также и акмеистов (Мандельштам, Ахматова). Однако любопытно, что их память разительно отличается от символистской, а еще разительнее отличие в случае лирического субъекта. Акмеисты - не помнящие нечто за пределами жизни современников, а преемники и наследники накопленного опыта, они моделируют свою родственность с определенными предшественниками, но не отождествляются с ними и не переносятся в их времена (не продлевают себя вспять). Поэтому память акмеистов всегда реальна: это либо их личный накопленный опыт, либо же память "текстов", память (а точнее: знание) истории. Именование внеличного опыта "памятью", естественно, сообщает этому опыту личностный характер. И на это у акмеистов есть свое - отнюдь немифологизированное - право: текст, свой ли, чужой ли, есть для них "память", запечатленный опыт; приобщиться к чужому тексту - значит для них испытать чужой опыт и тем самым стать его очередным носителем. Само собой разумеется, что в данном случае нет никакой надобности в мистификации "Я". Здесь имеет место своеобразное использо-

вание чужого "портрета по памяти" с целью идентифицировать "подлинник".

Присутствие в памяти личного опыта, личного знакомства с объектом может стать предметом еще одной мистификации: приписывания какого-то опыта коллективу. Это достигается при помощи коллективного "МЫ" или "ОНИ". "Мы помним X" или "Они помнят X" (где X – события сто- или двухсотлетней давности) внушают каждому из членов этого коллектива при помощи "помним" непосредственную причастность к отдаленным событиям и позволяют рассматривать чужой опыт (предшествующих поколений) как собственный. В данном случае налицо "память" как категория, моделирующая коллектив. Ее же содержание, или – строже: содержание желательной модели, зависит как от авторитета говорящего "МЫ", так и от объекта внушаемой "памяти". Само собой разумеется, что за этим стоит еще и особая шкала ценности, приписываемая "памяти": 'надлежит помнить только достойное памяти', и возможность сократить дистанцию между современностью и прошлым: 'мы (еще) помним'.

III. "ЗАБЫТЬ". Забвение не полностью симметрично памяти. Это легко увидеть на примере фразы типа "Я это видел, знал..., но совершенно забыл", где непосредственное знакомство, личный опыт формулируется отдельно, вне содержания слова "забыть". "Забывать" же относится только к способности воспроизвести в уме, способности создать копию. "Забыл" значит скорее всего: 'мог воспроизводить копию X без X, а теперь не могу'. Такая семантика подтверждается также и употреблением "забыть" как своеобразного оправдания или смягчения провинности в речи, например, школьников или студентов вместо "не выучил" или "не знаю". 'Смягчение' содержится, несомненно, в компоненте 'мог воспроизвести', т.е. 'мог сказать', т.е. 'знал'. При этом в случае словесных текстов возникает своеобразное отождествление "текста-подлинника" и "текста-копии", хотя на самом деле это два разных объекта. Последнее почти эксплицитно выражено у Мандельштама в начальном стихе стихотворения "Я слово позабыл, что я хотел сказать..." и несколько дальше "Но я забыл, что я хочу сказать, И мысль бесплотная в чертог теней вернется", где речь не о "подлиннике", а о его ментальной ко-

пии: "забыл" = 'не могу воспроизвести раньше воспроизводимого "слова"'. .

С этой точки зрения нельзя "забыть" сам предмет, а можно забыть некую мысль о нем. Ср. такого типа высказывания, как "Забыл, что я хотел, должен был... сделать, забрать, принести" или частое у детей повторение фразы типа: "Купить хлеб, молоко, горчицу", повторяемую по пути в магазин. Забывается, следовательно, не "хлеб, молоко и горчица", а 'копия' того, что надлежит сделать, не воспроизводится и не выполняется 'запомненная' и подлежащая выполнению 'программа'.

"Забвение", будучи в основном прямой противоположностью "памяти", моделирует совершенно другую чем "память" сферу. Если "память" 'удваивает' мир, то "забвение" соотносится только с 'копией', только с 'двойником' и этим самым моделирует только сферу культурного, а точнее - превращения сферы культуры в 'хаос'. Одновременно, как в случае Мандельштама, "забвение" есть потеря творческой способности, тем более осязательная, что у него как раз творчество покоится на способности 'воспроизводить'.

П р и м е ч а н и я

1. Ср., например, следующее стихотворение современного польского поэта Станислава Дрожджа (Stanisław Dróżdż), моделирующее собой процесс "забывания" при помощи укорачивания слова "ЗАБЫВАНИЕ":

Z A P O M I N A N I E
Z A P O M I N A N I
Z A P O M I N A N
Z A P O M I N A
Z A P O M I N
Z A P O M I
Z A P O M
Z A P O
Z A P
Z A
Z

Его анализ см. в: Jan TRZYNDALOWSKI, *Autor - Dzieło - Wy-*

dawca. Ossolineum, Wrocław 1979, s. 99-100.

2. Это могут быть специальные костюмы, атрибуты, специальные жесты, поведения, слепки (посмертные маски), памятники, надгробия, архитектурные или садовые сооружения, фотографии "на память", хроники, альбомы, "памятки", сувениры и т.п., мемориальные спортивные мероприятия и т.д. Ср., например, устройство садоводом Генри Вайзом (Henry Wise) парка в честь победы у Вленхейма (Wlenheim), где расположение роиц отражало размещение сражавшихся полков. Анализ этого и других примеров см. в: Д.С. ЛИХАЧЕВ, Слово и сад. В: *Finitis Duodecim Lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М.Лотмана. Таллин 1982, с. 59 и след.
3. Разбор этих стихотворений см. Ю.М.ЛОТМАН, Анализ двух стихотворений. В: *III Летняя Школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы*, Тарту 1968.
4. Детальный разбор этого стихотворения см. в моей статье: Блаженное наследство Мандельштама: "На развалинах, уложенных соломой..." *Književna Smotra* 1985.